

ОР 613
Т 78

ТРУДЫ
ОРЕНБУРГСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ.

Подъ редакціей К. С. Шукшинцева.

ВЫПУСКЪ VI.

1900.
ОРЕНБУРГЪ.

Типо-антографія Ив. Ив. Ефимовскаго-Маровичкаго.

Нѣсколько указаній о пребываніи А. С. Пушкина на Бердахъ.

86-лѣтняя казачка, Акулина Тимофеевна Блинова, урожденная Мордвинцева, живущая въ Оренбургѣ, рассказала намъ о пребываніи поэта въ Бердахъ ниже слѣдующее.

«Въ какомъ году пріѣзжалъ Пушкинъ, я не помню, знаю только, что день выдался теплый и ясный. Двое какихъ-то господъ, одѣтыхъ въ штатское платье шли по улицѣ: одинъ высокій, другой пониже—курчавый, а у дома, что наискось дома моего отца Мордвинцева, сидѣла наша Бердская казачка Бунтова, имени и отчества не упомяну. Я была тутъ же около старушки Бунтовой, которой было лѣтъ за шестьдесятъ и которая оставалась на дому нянчить дѣтей. Штатскіе подошли къ старушкѣ и, вѣроятно, увидавъ, что она очень древняя, одинъ изъ нихъ—курчавый спросилъ Бунтову,, не знаетъ ли она что-либо про Пугачева? Старушка отвѣтила, что она все знаетъ про Пугачева и даже пѣсню, что про него сложена. Господа попросили ее спѣть. Бунтова спѣла имъ одну пѣсню.

— Правда, правда, бабушка, «говорять ей господа, а сами между себя смѣются и говорятъ: «а ну ка еще спой»! Бунтова еще спѣла имъ двѣ пѣсни. Какія слова этихъ пѣсенъ, я не упомяну, но говорилось про Пугачева, какъ онъ воевалъ, какъ вѣшалъ».

Рассказчица вспомнила, какъ будто въ нихъ есть слова: — «Не умѣла ты, ворона, ясна сокола поймать».

«Все время я смотрѣла на курчаваго господина; у него лицо бѣлое, а губы большія, толстыя; да ужъ очень меня занялъ ноготь на пальцѣ—длинный, предлинный, у насъ такихъ не носятъ.

Господа попросили показать домъ, гдѣ жилъ Пугачевъ. Бунтова повела ихъ показывать. Домъ этотъ стоялъ на большой улицѣ, на углу, на красной сторонѣ. Теперь это мѣсто казака Михаила Дмитриева Козлова. Онъ былъ на шесть оконъ. Со двора открывается чудесный видъ на Сакмару, озеро и лѣсъ. Сакмара походила совсѣмъ близко ко дворамъ.

Курчавый господинъ похвалилъ мѣсто, говорить — «прекрасное»!

За пѣсни господа дали Бунтовой сколько то денегъ.

Когда я показала рассказчицѣ поясной портретъ Пушкина, она оживилась и сказала: «Онъ самый! только вотъ рукъ не видать, а ужъ очень меня заинтересовали ногти на его рукѣ».

Были ли еще у Бунтовой эти господа, Акулина Тимофеевна не упомнить, но видѣла, какъ они пошли потомъ отъ Бунтовой внизъ по улицѣ къ Сакмарѣ, а Бунтова возвратилась домой.

Больше рассказчица ничего не упомнить.

С. Н. Севастьяновъ.

Изъ газеты „Свѣтъ“ № 144 — 1899 г.

Въ одномъ изъ писемъ къ женѣ Пушкинъ писалъ: «Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ шесть мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune — нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобой помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ; виновать и про тебя не подумалъ». Это была дѣйствительно замѣчательная женщина, и не одинъ Пушкинъ обращалъ на нее вниманіе. Вотъ что писала о ней одна молодая москвичка, проживавшая въ Оренбургѣ